

Как царственная кухарка Академию открывала

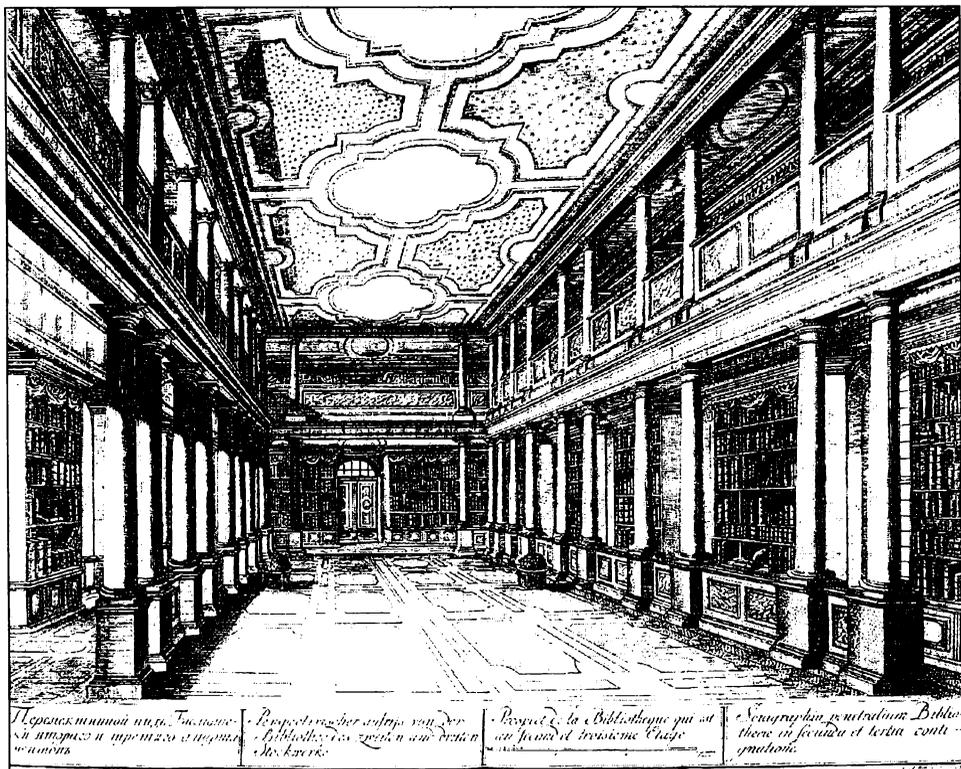
Открытие Петербургской академии здесь, на будущей Петровской набережной, где-то возле Домика Петра, было событием неординарным, выдающимся как для истории Петербурга, так и для истории России. Петр давно мечтал организовать в своей столице Академию. Он тщательно продумывал, как это лучше сделать, как создать ученое сообщество, которое было бы не говорильней высоколбых гениев, а полезным для отечества учреждением. Петр понимал, что создать Академию непросто. Нужна солидная финансовая, материальная база, нужно пригласить в новую Академию крупных ученых (своих-то не было!), предоставить им хорошие условия для работы и очень «длинный рубль» — иначе в край «крещеных медведей» они добровольно не отправятся. Приглашения были разосланы во многие университеты Европы, началась долгая переписка, словом, нужно было ждать, когда будущие члены Академии приедут в новую русскую столицу. Петр до этого дня не дождался, Академию открыла уже после его смерти вступившая на престол Екатерина I, женщина простая, необразованная, бывшая прачка (портomoя) и кухарка. Но она свято следовала заветам своего великого супруга. «Мы желаем все дела, начатые трудами императора, с Божьей помощью завершить» — так обещала царица своим подданным в одном из первых манифестов. К середине лета 1725 г. многие из принявших приглашение Петра западных ученых приехали в Россию.

Отступление

Первые ученые, или Экспедиция за славой

Нужно отдать должное приехавшим в Петербург ученым. Ведь они по доброй воле отправились в Россию, известную в Европе как страна варваров, дикарей, церковных отступников. Но, снимаясь с насиженных мест в уютных университетских городках Европы, они ехали не только за полновесным тогда русским рублем. Главным образом, их воодушевляла любовь к знаниям, открывшиеся перспективы настоящей работы на благо науки, общеевропейской цивилизации. Они хорошо знали, что Россия —

богатейшая и совершенно неисследованная страна. В ней можно сделать так много открытий, прославить на века свое имя! Пример немецкого ученого Даниэля Готлиба Мессершмита, еще за семь лет до открытия Академии отправившегося в Сибирскую экспедицию, воодушевлял многих. Оказывается, он побывал в девственных, неизученных местах, видел неизвестные «дикие народы», собрал уникальные научные коллекции, гербарии растений, о существовании которых в Европе даже не подозревали! От мысли о неизведанном звездном небе России, о ее неизмеренных и не занесенных на карту пространствах замирало сердце астронома и картографа Иосифа Никола Делиля. А какие древние рукописи о начале Руси пылятся в монастырских библиотеках! — мечтал историк Герард Фридрих Миллер. И вообще, лучше быть академиком в варварской России, чем всю жизнь кропателем и ассистентом бездарного профессора в знаменитом европейском университете, думал, отправляясь в Петербург, молодой студент-биолог Леонард Эйлер. И он стал именно здесь, в Петербурге, мировой знаменитостью, гениальным математиком! Большин-

Перспективный вид одного из залов Библиотеки Академии наук.

Гравюра Х. А. Вормана

ство талантливых людей «европейского научного десанта», прибывшего в Россию, не ошиблись: эта страна открыла перед ними двери и свое сердце. Для многих из них она стала второй родиной, где к ним пришли слава, почет и уважение, в земле России их прах покоится до сих пор. Эти ученые — бесконечен их список — слава России, они, вместе с русскими братьями, возвеличили ее как страну, не чуждую наукам и культуре.

И вот при Екатерине I наступил торжественный для истории русской науки миг открытия Академии. 15 августа 1725 г. императрица приняла первых академиков и благосклонно выслушала благодарственную речь на латыни профессора Якоба Германа. Он приветствовал императрицу как продолжательницу великого просветительского дела ее супруга: «...Петр Великий, положивший первые основания сего знаменитого учреждения, не находил ничем лучше украсить все свои победы, как основанием сего общества ученых и из всех своих завоеваний, по-видимому, ни одного не ценил выше торжества — увидеть некогда науки и изящные искусства процветающими в его владениях... Великолепие здания, назначенного для Академии, богатое снабжение академиков всеми вещами, необходимыми для воздвизания наук, мудрость установлений, начертанных по высочайшему соизволению Вашему, щедрость вознаграждений, назначенных профессорам, имеющим честь принадлежать к Академии и столько других милостей, полученных и получаемых ежедневно, все это — доказательства, не допускающие никакого исключения».¹⁶⁰

Красиво сказано, вот что такое элоквенция, сиречь наука красноречия! Неграмотная кухарка, сидевшая на троне, ни слова не понимала по-латыни, но согласно кивала головой, изредка поглядывая на стоявшего рядом неграмотного же фельдмаршала, члена Британского королевского общества Александра Меншикова, и все были очень довольны происходящим, собой и друг другом. Из всего окружения государыни речь Германа понимал только один человек — Феофан Прокопович... Но о нем расскажем потом, в своем месте.